

М. А. Алданов

ОГОНЬ И ДЫМ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А45

А45 **Алданов М.А.**
Огонь и дым / М. А. Алданов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 189 с.

ISBN 978-5-458-68107-0

ISBN 978-5-458-68107-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГОНЬ И ДЫМЪ.

Вареоломеевскій годъ. — Одинъ изъ очевидцевъ ночи 23 августа 1572 года безхитростно рассказываетъ на старинномъ французскомъ языкѣ: «Въ эту ночь смерть и кровь понеслись по улицамъ нашего добраго города. Я видѣлъ знатныхъ господъ, которые съ яростью проносились мимо меня, крича: «Tuez, tuez, le roi l'ordonne!» Не знаю, въ чемъ дѣло, но они, вѣроятно, правы; только смотрѣлъ я на все это въ глубокомъ изумленіи (à merveille estonné). Наконецъ, я рѣшился выйти, — огонь уже догоралъ, но шелъ по Парижу густой черныи дымъ».

Когда лѣтъ шесть тому назадъ*) намъ попались въ руки письма или воспоминанія современниковъ Вареоломеевской ночи, чуждой и непонятной представлялась намъ мрачная психологія людей 16-го вѣка. Вотъ хотя бы что доносилъ съ восторгомъ Филиппу II его

*) Писано въ декабрѣ 1919 г.

парижскій посоль Цунига подь первымъ впечатлѣніемъ кроваваго зрѣлища:

«Въ то время какъ я пишу, они (католики) убиваютъ ихъ всѣхъ, срывають съ нихъ одежды и влачатъ ихъ по улицамъ; они грабятъ дома и не даютъ пощады даже дѣтямъ. Да благословенъ будетъ Господь, который привлекъ французскихъ принцевъ къ своему святому дѣлу! Да внушитъ онъ сердцамъ ихъ продолжать такъ, какъ они начали!»

Самъ король испанскій, по словамъ современниковъ, получивъ извѣстіе о Варееоломеевской ночи, разсмѣялся отъ радости въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни. Онъ велѣлъ пропѣть *Te Deum* въ монастырѣ св. Иеронима и немедленно отвѣтилъ Цунигъ: «Ваше извѣстіе было одной изъ величайшихъ радостей, когда либо выпадавшихъ на мою долю. Сейчасъ-же выразите королевѣ-матери удовлетвореніе, которое вызываетъ во мнѣ дѣйствіе, столь угодное Богу и Христу; оно будетъ передъ потомствомъ величайшей славой короля, моего брата».

Не менѣе довольна была и королева-мать. Она изъявила свое удовольствіе въ формѣ сжатой и логичной. «Гораздо лучше, чтобы это случилось съ н и м и, чѣмъ съ нами». И Катерина Медичи прибавляла иронически

на рифмованномъ французско-латинскомъ языкѣ: «Beatus qui non fuerit in me scandalizatus».

Впрочемъ, почти никто особенно скандализованъ и не былъ. Извѣстный памфлетъ Отмана (*De furoribus gallicis*), который сдѣлалъ изъ Вареоломеевской ночи весьма радикальные — пожалуй, и для нашего времени — политическіе выводы, составляетъ исключеніе. Католическое общественное мнѣніе отнеслось къ событію даже нѣсколько благодушно. Веселый Брантомъ упомянулъ о немъ въ своемъ обычномъ тонѣ балагура (оправдывая репутацію, сдѣланную ему позднѣйшимъ критикомъ: «этотъ человѣкъ ни разу въ жизни не поинтересовался вопросомъ, что такое добро и зло»).

Были однако и исключенія въ станѣ торжествующихъ побѣдителей. Тотъ же Брантомъ рассказываетъ о благочестивой Елизаветѣ, королевѣ французской, женѣ озвѣрѣвшаго Карла IX: «Elle s'étoit allée coucher de bonne heure la veille de la saint-Barthélemy. Ne s'étant réveillée qu'au matin, on lui dit à son réveil le beau mystère qui se jouait. «Hélas! dit-elle soudain, le Roy mon mari le scait-il?» — «Oui, Madame, répondit-on, c'est lui-même qui le fait faire». «O! mon Dieu! s'écria-t-elle, qu'est cecy? et quels conseillers sont ceux qui luy ont donné tel advis?... Mon

Dieu!... J'ay grand peur que cette offense ne lui soit pas pardonnée».

Теперь, на порогъ двадцатыхъ годовъ двадцатаго вѣка, мы читаемъ разсказъ Брантома иначе. Цѣлые годы живемъ мы въ умственной и моральной атмосферѣ Вареоломеевской ночи. Психологія испанскаго посла намъ гораздо ближе и понятнѣе, нежели психологія французской королевы. Послѣднее пятилѣтіе представляетъ собой поразительный рецидивъ исторіи. Пулеметъ замѣнилъ пищаль, вотъ и весь прогрессъ съ 16-го вѣка. А вѣдь были ученые, спорившіе съ Вико по вопросу о возможности историческихъ *ricorsi*.

Огонь, бурлившій пять лѣтъ, кажется, понемногу догораеть. Но идетъ по всей Европѣ густой черный дымъ. Мѣстами сверкаетъ и пожаръ: одно изъ этихъ мѣстъ — шестая часть земли. Вареоломеевскій годъ кончился. Вареоломеевскій годъ начинается.

Въ К о б л е н ц ѣ. — Въ Кобленцѣ въ пору Великой Революціи скопились, самые знатные и самые реакціонные изъ французскихъ эмигрантовъ. Мелкое дворянство расселилось въ дешевой Лозаннѣ; болѣе либеральные роялисты уѣхали на жительство въ Лондонъ. Эмигранты Кобленцскаго двора

сходились между собою въ политическихъ взглядахъ. Единодушно признавали необходимымъ возстановить старый самодержавный порядокъ и вернуть законнымъ владѣльцамъ родовыя помѣстья, наложивъ штрафы и пени на дерзкихъ захватчиковъ-вассаловъ. Составляли длинные списки людей, подлежащихъ смертной казни; первымъ номеромъ въ этихъ спискахъ шелъ Лафайетъ, котораго ненавидѣли гораздо болѣе, чѣмъ Марата. Крайнихъ якобинцевъ скорѣе даже уважали за крѣпкія слова и за идею твердой власти. Спорили больше о томъ, кому командовать карательной экспедиціей: принцу Конде или маршалу де-Брой; перваго считали недостаточно твердымъ, а у втораго сынъ служилъ въ революціонной арміи. *Un de Broglie!*...

Жили эмигранты со дня на день, ожидая конца случившейся съ ними непріятной исторіи. Уже былъ израсходованъ послѣдній миліонъ ссуды, присланной Екатериной Второй. Штатъ двора сократился. Время праздниковъ и баловъ миновало. Передавали зловѣщіе слухи о начавшейся тяжелой нуждѣ. Герцогиня де-Гишъ поступила въ сидѣлки; маркизу де-Гильомъ кормилъ на свой счетъ ея старый лакей; графъ де-Майи сталъ наборщикомъ; виконтъ де-Куанье открылъ сапожную мастерскую. Вполголоса называли имена знат-

ныхъ дамъ, которыхъ нужда заставила опуститься еще ниже. Сплетня и злорадство останавливались передъ этими несчастьями.

Весной 1792 года стали появляться долгожданная радостныя извѣстія. Европа, наконецъ, рѣшила возстановить прежнюю Францію. Одному изъ эмигрантовъ это сказалъ на пріемъ графъ Кобенцль; другой недавно завтракалъ у Питта; третій получилъ письмо отъ фаворита Екатерины.

Къ лѣту въ Кобленцѣ появился прусскій король и его армія подъ командой герцога Брауншвейгскаго. Говорили, что скоро пріѣдетъ на подмогу изъ Московіи генераль *Суваровъ*, тотъ самый, который кричитъ пѣтухомъ. Съ нимъ должны прискакать мириады — «des sotnias, vous dis-je» — степныхъ казаковъ. Этихъ не заразишь якобинской пропагандой.

Въ день, когда нѣмецкія войска проходили по улицамъ Кобленца, множество эмигрантовъ собралось въ кофейнѣ Трехъ Коронъ. Пили вино и строили веселые планы.

Только одинъ изъ роялистовъ, быгшій депутатъ Казалесъ, на радостномъ праздникѣ близкой побѣды сохранялъ угрюмый видъ. Казалеса недолюбливали въ эмиграціи; его считали либераломъ, чуть даже не конституціоналистомъ. Молодой графъ Ласъ-Казъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Неужели, сударь, васъ не радуеть видѣ этихъ доблестныхъ нѣмецкихъ войскъ, которыя идутъ выручать нашу дорогую Францію?

— Молодой человѣкъ, — отвѣтилъ мрачно Казалесь, — мнѣ трудно отвѣтить на вашъ вопросъ. Конечно, я люблю нашихъ вѣрныхъ союзниковъ-нѣмцевъ. Но по совѣсти не скрою отъ васъ, что я отъ всей души желаю этимъ доблестнымъ воинамъ, отъ перваго до послѣдняго человѣка, потонуть въ серебрянныхъ водахъ Рейна. Хорошо бы и мнѣ отправиться туда вслѣдъ за ними. Горе тому, кто зоветъ въ свою страну чужеземцевъ! Мы знаемъ, для чего мы ихъ зовемъ. Но кто знаетъ, для чего они къ намъ идутъ?

Ласъ-Казъ отошелъ съ досадою. Къ Казалесу подсѣлъ Ривароль, краса салоновъ и король собесѣдниковъ.

Никто не зналъ толкомъ, почему этотъ знаменитый писатель очутился въ лагерѣ роялистовъ. Единственный изъ всѣхъ французовъ, онъ громилъ революцію еще до взятія Бастиліи. Тѣмъ не менѣе аристократы не считали его своимъ. Говорили, будто отецъ писателя содержалъ трактиръ на югѣ Франціи. Самъ Ривароль, титуловавшій себя графомъ, ясно давалъ понять, что почти одинаково презираетъ парижскихъ революціонеровъ и роялистовъ Кобленца. Чеканныя слова его

передавались по всѣмъ салонамъ Европы; однако, никогда не было извѣстно, говорить ли онъ серьезно или издѣвается надъ наивными людьми.

— Мосье де-Казалесь, — сказалъ Ривароль, — быть можетъ, вы отчасти правы. Но... разумъ слагается изъ истинъ, которыя нужно высказывать, и изъ истинъ, о которыхъ нужно молчать. Во всякомъ случаѣ вы правы на 24 часа раньше, чѣмъ слѣдуетъ. А это гораздо хуже, чѣмъ быть вовсе не правымъ.

— Графъ, — отвѣтилъ Казалесь, съ нѣкоторой насмѣшкой произнося титулъ писателя, — говорятъ, что послѣ смерти Вольтера вы — самый умный человѣкъ во Франціи. Такъ не можете ли вы сказать мнѣ, чѣмъ все это кончится?

— Революція? — переспросилъ Ривароль, учтиво кланяясь собесѣднику. — Я думаю, что съ якобинцами справится только якобинецъ. Но этотъ якобинецъ будетъ, вѣроятно, французскій генераль. Революція всегда кончается саблей. Если король не найдетъ своей армии, армія найдетъ своего короля.

— Короля изъ якобинцевъ?

— Короля изъ отставныхъ якобинцевъ. Что дѣлать? Я самъ чувствую отвращеніе къ пожарнымъ, которые выходятъ изъ поджигателей; но именно изъ поджигателей выходятъ самые лучшіе пожарные.

— Такъ для чего же мы ведемъ во Францію сто тысячъ нѣмецкихъ солдатъ?

Ривароль пожалъ плечами.

— Для того, чтобы якобинскій генераль могъ себѣ составить громкое имя. Именно отъ этихъ нѣмцевъ онъ и спасетъ наше дорогое отечество.

— Я буду еще циничнѣ васъ, сударь, — раздраженно сказалъ Казалесь. — Вообразите *худшее*: что, если мы побѣдимъ? Сто тысячъ нѣмецкихъ солдатъ — аргументъ весьма серьезный.

— Поэтому отъ него не нужно отказываться. Подобный исходъ будетъ, разумѣется, не худшій, а лучшій: тогда мы просто перемѣнимъ цвѣтъ знаменъ якобинской арміи и съ ея помощью покажемъ нѣмцамъ на дверь.

— Перемѣнимъ цвѣтъ чужихъ знаменъ! Это не такъ легко.

— И не такъ трудно. Вѣдь все дѣло въ кучкѣ вожаковъ. Когда Нептунъ хотѣлъ заговорить бурю, онъ обращался не къ волнамъ, а къ вѣтрамъ.

— Вы заговорите якобинскихъ вождей?

— Однихъ заговоримъ. Другихъ повѣсимъ. А большинство, разумѣется, подкупимъ. Слава Богу, много мерзавцевъ служить Великой Французской Революціи. Самъ покойный Ми-

рабо ради денегъ былъ способенъ на что угодно... даже на хорошій поступокъ.

— Мосье де-Ривароль, — сказалъ Казалесь, — васъ въ литературѣ считаютъ пессимистомъ. Въ политикѣ вы, оказывается, Крайній, хотя и своеобразный, оптимистъ. Нѣмцы ли побѣдятъ якобинцевъ, якобинцы ли побѣдятъ нѣмцевъ, — по вашему, и то и другое будетъ превосходно?

— Погибнетъ нѣсколько милліоновъ людей. Если вы это называете оптимизмомъ... Но якобинцы во всякомъ случаѣ сломятъ себѣ шею, чему я буду чрезвычайно радъ, ибо ужъ очень плохо пишутъ по французски эти болтливые господа. Однимъ словомъ, меня не пугаютъ ни нѣмецкіе солдаты, ни нашъ добрый герцогъ Брауншвейгскій, ни тотъ полоумный генералъ на *ош*, котораго, говорятъ, собирается прислать намъ на помощь сѣверная Семирамида, предлагающая, кстати, Европѣ принять православіе для спасенія отъ революціоннаго духа... Впрочемъ, если вы знаете лучшій способъ выйти изъ нынѣшняго положенія, то я немедленно къ вамъ присоединяюсь.

Казалесь вынулъ изъ кармана бумагу.

— Мнѣ очень хочется посрамить васъ, любезный оптимистъ и циникъ. Въ моихъ рукахъ находится копія секретнаго документа чрезвычайной важности. Это депеша вѣнскаго